

Доминик Кубицкий
DOMINIK KUBICKI
Poznań

Общественно-экологические последствия культурно-религиозных глобализационных процессов конца XX столетия

Термин „глобализация” встречается нередко в политической и общественной дискуссии. Не чужд он также публицистическим рефлексиям. Однако научная рефлексия пока довольно сдержанно, но, как кажется, все чаще, интересуется перспективой глобализации в масштабах всей планеты – её первичный энтузиазм, если можно так определить духовное состояние создателей – мыслителей и научных работников, или людей, стоящих на службе науки, лиц с определённой моделью восприятия физической действительности мира и человека внутри человеческого общества, кажется, понемногу гаснет и воздерживается от свершения научного суда; они ожидают увеличения количества информационных данных относительно анализируемого явления. Поводом является многоаспектность и многоярусность процесса глобализации, который от 60 – 80 годов XX столетия стал частью жизни всех локальных сообществ, или всего общества в разных областях нашего континента. Мировая общественность все сложности глобализации сумела в меру истечения времени охватить научной рефлексией, продолжает охватывать, улавливая всё более очевидное, с одной стороны продолжающееся развитие и углубление самой глобализации (в упрощении) в человеческих, общественных и политических организациях, с другой же стороны, возникнувшие последствия первых этапов ее появления в масштабах планеты, и которые уже, как результаты последствий глобализации, как представляется, уже функционируют в общественной (политической, институциональной, экономической, хозяйственной, финансовой и т. д.) сферах и часто путаются – особенно в политической и публицистической дискуссии – с очевидными ее этапом либо самыми видами развития глобализации как про-

цесса, который устанавливает полное взаимодействие в жизни всех человеческих обществ на нашей планете.

Периодически появляющиеся научные рефлексии, поднимающие тематику равно самой глобализации, так и интеграционных экономических, хозяйственных и финансовых процессов¹, а также их последствий для политической и общественной жизни, а, следовательно, форм общественной жизни и жизни отдельного члена данного локального сообщества представляются весьма необходимыми.

Ещё более желательной кажется рефлексия со стороны тех государственных организаций из разных областей континента, которые непосредственно не участвовали в создании этого процесса, а которые по необходимости и независимо от них самих, были вовлечены в процесс его активности. На том фоне очень ценной будет рефлексия, которая сформируется на этой конференции и с ее помощью будет стимулирована дискуссия интеллектуалистов, так как она до сих пор не была четко представлена доминирующим политическим, общественным, а также научным европейским и североатлантическим голосом, но лишь посредством научных общественных рефлексий в государствах, не связанных непосредственно с формированием глобализации в технической, технологической форме, а, следовательно, составляющих определенный результат ее возникновения и формирования. Нет сомнения, упадок коммунизма как политико-экономической системы и распад Советского Союза вместе с одновременным освобождением из-под политико-идеологической зависимости государств

¹ Ибо явление глобализации воспринимается и понимается в категориях тесной интеграции государств и обществ, вызванной как огромным сокращением издержек в транспорте и телекоммуникации, так и ликвидацией искусственных преград в процессе взаимопроникновения ценностей, услуг, капитала, знания и людей с одной страны во вторую (Ср.: J.E. STIGLITZ, *Globalizacja*, перев. Н. Simbierowicz, Warszawa 2007, 17). Следовательно, глобализация воспринимается не только как возможность смотреть на Землю с высоко – и не только в поэтическом смысле – с перспективы околоземной орбиты в космическом пространстве, и не как единственно техническо-технологическая возможность физического смешивания в межконтинентальном либо континентальном пространстве, или как коммуникация с целью получения информации, касающейся какого-либо места на планете или запаса собранной информации, доступной в Интернете. Добавим кроме того, что в реалиях современности сама форма будущего развития культуры и цивилизации стала также предметом живой дискуссии между публицистами, политиками и людьми, исполняющими парламентарно-правительственные функции. Хотя окончательные решения будут принимать последние, то однако дискуссия в общественной среде в сегодняшних реалиях информационной эпохи в состоянии выработать в парламентско-правительственных элитах позицию, отражающую общие ожидания. Одновременно, следует помнить, что очередная политическая дискуссия будет определяться проблематикой глобализации, по крайней мере в области общемирового соотношения экономического, хозяйственного, финансового, общественного, демографического, экологического и т. д. вопросов.

и народов стран центральной Европы² (Польша, Чехия, Болгария) имели причины глобальные (в упрощении), по крайней мере, эти события произошли в связи с экономической несостоятельностью коммунистической модели централизованного управления структурами государства. Процесс распада подвергся радикальному ускорению при посредстве всеобщей тенденции процесса глобализации, а также формирующихся связей между надгосударственными субъектами в торговом обмене и в экономическо-финансовых отношениях³.

² После 1944 год «внешняя империя», состоящая из государств «ближнего зарубежья», значительно отличалась от внутренней империи самого СССР. В Восточной Европе, кроме Югославии, которая в 1948 опустила советскую зону связей, не дошло до фактической революции. Её заменил дифференцированный политико-экономический процесс зависимости, завоевания и поглощения государственным органом власти, осуществляемой ленинской партией, которая реализовала миссию „строительства социализма” путем ограничения рынка и частной собственности в пользу институциональной диктатуры и директивной экономики. В общей сложности, ситуацию в Польше в 1944–1989 годах, в которой никогда не дошло к коллективизации сельского хозяйства, нельзя сравнить со сталинским Советским Союзом эпохи Хрущева и Брежнева или даже с Румынией, под руководством Н. Чаушеску – впрочем, с трудом квалифицируемой к „внешней империи”. Хотя политическая милиция и службы безопасности (коммунистического образца) с центром в Кремле были у власти во всех государствах коммунистического блока, а набор на какие-либо общественно-политические функции и посты на государственных предприятиях осуществлялся в соответствии с принципом идеологической преданности и партийной верности, то, однако в этих государствах не было места на ГУЛАГ (См. А. APPLEBAUM, *Gulag*, перев. J. Urbański, Warszawa 2005; T. LANE, *Ofiary Stalina i Hitlera*, перев. M. Antosiewicz, Warszawa 2007 – вместе с литературой предмета: Тамже, 307–314). См. также: А. FRISZKE, *Opozycja polityczna w PRL 1945–1980*, Londyn 1994; А. FRISZKE, *Losy państwa i narodu 1939–1989*, Warszawa 2003; А. PACZKOWSKI, *Pół wieku dziejów Polski 1939–1989*, Warszawa 1995; А. PACZKOWSKI, *System nomenklatury kadr w Polsce (1950–1970)*; А. PACZKOWSKI, *1939–1989*, [в:] Н. SAMSONOWICZ и другие, *Polska na przestrzeni wieków*, Warszawa 2006, 625–731.

³ Предметом обсуждения является вопрос, не привела ли коммунистическая эволюция к своеобразной ловушке без соответствующего решения. Известно, что в перспективе трансформации европейского и североатлантического Запада, продвигаясь с промышленной эпохи к информационной эпохе, основанной на современных технологиях микропроцессоров и миниатюризации информационного оборудования, решающей о судьбе коммунистической идеологии с Кремлёвским центром была неразрешенная дилемма двух возможностей – либо блокада проведения каких-либо изменений в общественной и ежедневной «жизни» общества в СССР, в том блокада информационно-технологической революции, которая привела бы к потере какого-либо шанса конкуренции с миром, либо допущение преобразований, что привело бы к смерти крупнопромышленного пролетариата и было бы равнозначно с падением коммунизма как живого общественного целого (Ср.: D. DOBRZAŃSKI, J. JAKUBOWSKI, A. WAWRZYNOWICZ (ред.), *Kraje Europy Środkowoschodniej a globalizacja [Eastern Europe and the Challenges of Globalization, Cultural Heritage and contemporary change, Series IV A, Eastern and Central Europe, volume 27, Washington 2005]*, Poznań 2005, 8).

Выводы этой конференции будут желательны также и ещё с одной важной причины. Вот, как обычно, какой-нибудь западный интеллектуалист – особенно с доминирующего американского Запада – не желает заметить несомненно, чрезвычайно важного факта, который не может быть незамеченным – это факт очень серьёзного кризиса XX столетия – падение массовой религиозной веры вместе с ее последствиями: падением веры в бессмертие души в обществах европейского и североатлантического Запада. Представляется, что необходимо заявить об этом, так как интеллектуалами Запада (в упрощении) кажется, не замечается значение факта, что светские заменители религиозности, тоталитаризм и западный потребительский капитализм, стали карикатурой человеческих запросов, идеалов, вызывая в свою очередь искажение интеллектуальных концепций, составляющих основу формирования следующих этапов, а также и самого будущего глобализации как процесса, требующего творческого участия человека.

Ввиду ограниченности места и времени выступления мои рассуждения не претендуют на какое-либо полное объяснение не только вопроса глобализации, либо какого-то её проявления, так и более полного охвата явления глобализации со всех отдельных ее сторон. Мы также хотели бы выразить сомнение – разве постановка так широкого вопроса в виде ограниченной формы этой рефлексии является достаточно целесообразной? Тем не менее, преобладающим оказалась обстоятельство, допускающее возможность формулировки выводов в кругу интеллектуалов из стран не поглощенных глобализацией и не главенствующих в процессе глобализации, процессе, которому подчиняются общества всего мира, вследствие того факта, что, проживая на одной планете, мы составляем глобальную общность.

Рассуждения настоящей статьи мы поделили на три этапа. На первом этапе мы предпринимаем попытку дать характеристику усиливающейся тенденции процесса глобализации. На втором этапе рефлексии мы сосредоточимся на необходимости выявления различий в анализе состояния человеческих обществ на сегодняшнем этапе процесса глобализации, а особенно остановимся на факте дифференцирования этапов исторического развития человеческих обществ, которые оказались охвачены процессами современной глобализации и созданными технически-технологическими возможностями. На третьем и последнем этапе мы предпринимаем попытку определения возможностей преодоления беспомощности идеологических концепций в решении социальных вопросов относительно последствий процессов общественно-экологической глобализации, принимая во внимание существующие различия в культурно-религиозных локальных сообществах нашего континента.

1. Возрастающая и усиливающаяся актуальность вопроса глобализации

С довольно большими отступлениями можно принять тезис, содержащийся в таком распространенном убеждении, что в отношении действительности начала XXI столетия не представляется возможным обойтись без вопроса глобализации – равно как в контексте какого-нибудь вопроса, касающегося отдельного, единичного человека, а так и в контексте всего человеческого общества или человечества как такового. Одновременно, хотя и распознается технико-технологическое внедрение процессов глобализации, то, однако с точки зрения аксиологических соображений, глобализация остается по-прежнему в состоянии неоднозначной оценки. В политико-публицистической и общественной дискуссии отмечается дифференцированное отношение действительности к очередному этапу поступательной глобализации. Она вбирает в себя целую гамму различных взглядов – от некритического принятия этих явлений и ошибочного понимания его существа, до ее панической боязни.

В этом случае нельзя не заметить, что такое отношение может зависеть от степени экономического, технологического и технического развития данного государства, а также от состояния промышленно-коммуникационной инфраструктуры. В этом смысле становится понятным, что иным оказался и вообще оказывается взгляд на этот процесс со стороны развитых стран, а также их политико-экономических элит, а иным со стороны развивающихся с либо недоразвитых в этом отношении стран. С одной стороны, глобализация как явление воспринимается как способ на еще большее обогащение, в том смысле, что представляет возможности экономико-хозяйственной экспансии, либо предоставляет возможность углубления их доминирования над экономически слабыми странами, с другой же стороны, она рассматривается как радикальная опасность доминирования и подчинения.

В общей сложности возникший процесс глобализации его зажиточными пользователями оценивается как хозяйственное развитие всей планеты, как открытие местных и международных рынков на инвестиции и торговлю, но миллиардами человеческих существ узнается за перераспределение валового богатства в пользу узкого корпорационного круга владельцев капитала. Однако разве ситуация не такова, когда современная глобализация в неумолимый способ возвращает к жизни социальную проблему (в смысле современников К. Маркса) – но уже не в национальном или государственном масштабе, но в глобальных размерах, которая касается международного сообщества и затрагивает каждое локальное общество? Ибо, разве нельзя с помощью XIX-вечной революционной марксистской терми-

нологии описать общественные отношения, характерные для начала XXI столетия, когда „резервная масса рабочей силы” с улиц западноевропейских промышленных городов становится похожей на бедные локальные общества с тех мест всего мира, куда переносятся заводы для получения меньших издержек производства с помощью аутсорсинга? Разве глобальный мир человеческих сообществ начала XXI столетия не входит в подобный цикл общественных перемен и ментальной трансформации, который был участием рабочих Западной Европы XIX столетия, когда создавался тред-юнионизм, и который, на счастье, стал, с общественной точки зрения, закончился в определённом времени, когда массовые партии рабочих достигли соответствующего влияния и добились повышения зарплаты, изменения налоговой системы в товарном производстве и коренного изменения в политической расстановке сил? Однако разве похожий цикл перемен будет возможным, когда, с одной стороны, он нарушал бы определённый культурно-религиозный и цивилизационный круг, со второй же стороны, как более сложный в разнообразии отношений, пробегал и совершался бы на высшем уровне институциональной, политической иерархии и т. д.? Если бы, однако, допустить некоторое сходство этих циклов – микроцикла XIX-вечной промышленной революции и макроцикла современных процессов глобализаций начала XXI столетия – необходимо бы было в свою очередь решить: что бы составляло его субъект, требующего в меру справедливого перераспределения произведенных ценностей и участия в прибыли? Кто в общей перспективе был бы узан хозяином промышленного предприятия, располагающего капиталом, а кто как единственно изготавливающий производственные товары и был бы подвергнут диктату прав со стороны обладающего капиталом? Разве в роли глобально активных не надлежало бы воспринимать сформированных институционально субъектов, ответственных за регулирование экономических, хозяйственных, финансовых и т. д. отношений, в то же время, в роли глобально пассивных те государства, которые с силу своих многочисленных промедлений и бедности, не сумели найти себя в сферах влияния, в которых находятся некоторые наднациональные и надгосударственные субъекты?

Несомненно, обоснованным является главный вопрос этой конференции, касающийся возможности появления и проявления общественно-экологического кризиса, поскольку, если возрастет разница в уровне зажиточности государств и регионов континента, то также обострится своеобразная борьба за условия торгового обмена, размещение рабочих мест и контроль над сокращающимися естественными ресурсами, человечество будет ещё раз подвержено неравности, несправедливости и эксплуатации в глобальном размере. Сумеют ли они тогда уйти от конфронтации в каком-то новом виде? Не проявляются ли на современном этапе форми-

рующегося равновесия в экономическо-политической сфере на глобальном уровне определенные симптомы ожесточённой борьбы за доминирование в предполагаемых экономических экологическо-хозяйственных и других изменениях? Разве таким примером не является определение лимитов эмиссии, к примеру, так называемых тепличных газов? Доступ до энергоемких ископаемых? Расположение путей пересылки энергии и т. д.? Разве под фасадом экологической или другой политики не скрываются агрессивные намерения увеличения преимущества одной стороны относительно второй?

Это не единственные вопросы, которые современное поколение начала XXI столетия имеет право выдвигать и формулировать. Нельзя не выявить также других, дополнительных вопросов. Была ли интеллектуальная мысль приготовлена на появление подобного вида процесса глобализации? Предвидела ли такое течение событий и истории, а также появление такой системы международных отношений – политических и экономических? Будет ли ещё возможна демократия, влияющая на локальные сообщества, в надгосударственной и наднациональной глобализации? Будет ли она иметь вид и будет ли воспринимается в смысле новых европейских парламентских демократий, или же в смысле классических греческих полисов? Не дестабилизирует ли естественного развития локальных сообществ, которые находятся на разных этапах своего развития априорно приобретенная модель функционирования данного общества во взаимных отношениях – имеется в виду модель, проверенная в обществах, играющих главную роль в очередных общественно-политических и хозяйственно-экономических переменах? Как известно, общества появляются и исчезают. Трансформируются и поддаются трансформации. Однако глобализация, как представляется, устанавливает слишком много юридических правил в разных сферах общественной, хозяйственной, финансовой и т. д. жизни. Не найдется ли какого-либо способа на их определенную унификацию, в смысле, на установление основных правил в области перехода от, как представляется, не достигнутого идеала государства права до практически внедряемого и основополагающего государства юридического процесса? На чём имела бы основываться политика в развитой стадии глобализации, а, в особенности, какой образ может принять международная политика? Не следовало ли бы наново разработать ее основные положения с участием всех ее субъектов? И наконец, разве очередные трудности процесса общественно-экологической глобализации не следовало бы воспринимать в категориях деструкционного кризиса или же скорее кризиса роста?

2. Необходимость различий. Дифференцирование этапов исторического развития человечества и глобальная одновременность технико-технологических возможностей

Существующие до сих пор многочисленные рефлексии насчёт глобализации сумели охватить многоаспектность проблематики⁴. Замечена беспрецедентная новизна свойств, присущих всеобщему этапу исторического развития⁵. Кроме относительно однозначно принятой цезуры исторического перелома, датированного 60 – 80 годами XX столетия, узнаётся глобальный характер нового состояния вещей⁶. В прошлом цивилизационные переломы совершались только в некоторых государствах и некоторых культурно-религиозных обществах. Сегодняшние новые виды общественной жизни в определенных государствах либо определенных локальных сообществах, скорее всего, медленно распространялись на другие – и это обычно происходило через территориальное соседство. В общем, прежние общественные трансформации, как результат технологической революции (в упрощении), не происходили в масштабах всей планеты, но единственно физически доступном культурном мире⁷, в котором совершались существенные технологические и технические изменения в сфере производства

⁴ Ср.: Z. BAUMAN, *Globalizacja – i co z tego dla ludzi wynika*, Warszawa 2000; T. BUKSIŃSKI, *Moderność*, Poznań 2001; M. GOLKA, *Cywilizacja Europa. Globalizacja*, Poznań 1999; G. LABUDA, „Przyszłość państw narodowych i nacjonalizmów w jednoczącej się Europie”, [в:] G. LABUDA, *Rozważania nad teorią i historią kultury i cywilizacji*, 431–465.

⁵ Ср.: T. BUKSIŃSKI, *Wyzwania globalizacji wobec Europy Środkowowschodniej*, [в:] D. DOBRZAŃSKI, J. JAKUBOWSKI, A. WAWRZYNOWICZ (ред.), *Kraje Europy Środkowowschodniej a globalizacja*, 33–56.

⁶ Сразу добавим, что его новизна является едва уловимой и единственно верной только в отношении к «первой» экономической глобализации 90-х годов XIX столетия, которая не только определяет и в равной мере закрепляет процесс, но и составляет ее свободное функционирование в общественной и экономико-цивилизационной действительности. Следовало бы поставить вопрос – насколько возможно автономное восприятие процессов глобализации перелома XX и XXI столетий (в упрощении)? Обосновано ли своеобразное подрезание корней современным процессам глобализации и их восприятие в определенной степени „под абажуром”, в отрыве от более широкого исторического контекста, который, несомненно, определяется XIX-вечной промышленной революцией, характеризующаяся переходом от мануфактуры к заводскому производству, а также – если мы уже провели систематизацию такого перехода – осуществившийся в историческом прошлом переход от единичного производства к мануфактурному способу? В свою очередь, разве – вне зависимости от цивилизационных и религиозно-культурных кругов – не следовало бы воспринимать развитие цивилизации в подобном масштабе перемен?

⁷ Или, к примеру, античные миры и цивилизации древнего Египта и Месопотамии, мир греческой ойкумены, мир китайской цивилизации, эллинистический мир Средиземноморского бассейна, новый или современный мир европейского Запада.

материальных ценностей и способа их распределения⁸. Кроме того, те трансформации не касались всех областей общественной жизни территориальных единиц, которые участвовали в интеллектуальной, технологической, экономико-хозяйственной и, в последствии, общественной революции. Но одновременно, появившиеся в последние десятилетия XX века и созревшие в современной ситуации начала XXI столетия, процессы глобализации оказались в неоднородном общественно-экономическом состоянии, а также на неоднородном этапе развития оказались разные государственные и национальные сообщества в их естественной локализации в континентальных макрообластях либо субконтинентальных людских сообществах – некоторые на этапе модернизма, другие на этапе раннего модернизма (мануфактурный), еще иные в начале или посередине этапа индустриализации⁹. Это является важной характеристикой, позволяющей понять причины общественного пост-империального поведения в существующих пост-коммунистических условиях, и, одновременно, на этапе развивающегося и углубляющего процесса глобализации.

Для современного состояния отдельных локальных сообществ также имеет значение и то, что эта, трансформирующая человеческое действие глобализация средств транспорта и пересылки информации, застала отдельные государственные организации на дифференцированном уровне развития частной собственности и материального благосостояния – зависимость в каждом случае от политического и экономического строя, следовательно, от факта владения, факта распределения капитала и ценностей в обществе. Иначе говоря, в рамках современного этапа глобализации, существенной оказывается также дифференцированная и неоднородная доступность к технике и технологиям для отдельных членов данного государственного либо локально-континентального (в упрощении) общества, несмотря на доступность к ней на уровне государства либо институционального организма такого уровня объединения¹⁰. В общей сложности, в свете современных процессов глобализации, в условиях устойчивой демократии, а также в меру высокого уровня зажиточности отдельных членов данного государства в странах европейского и североатлантического Запада, разрешение общественной проблемы находится в решительно иной ситуации, чем в тех государствах, в которых не выработано такой стабильности, не приобретено собственной зажиточности, а также не создано системы внутреннего распределения добра среди жителей этого государства.

Одновременно нужно поставить ещё один вопрос, сопряжённый с благосостоянием государства и его материальным потенциалом, новей-

⁸ Естественно на её определенном этапе.

шими технологиями, развитием инфраструктуры, а особенно с широтой рынка труда и собственным человеческим капиталом данного государства, узнаваемого мечтой и целью для бедных стран и государственных объединений, остающихся на низшем этапе институционально-общественной интеграции и цивилизационного (в упрощении) развития. Кажется понятным, что при открытых государственных границах появляется эмиграционная человеческая волна, приплывающая от бедных и менее устойчивых стран, не обладающих рынком труда для всех, в сторону более богатых, зажиточных стран, позволяющих на трудоустройство и вхо-

⁹ Чрезвычайно полезным является анализ пост-коммунистического состояния государств Центральной и Восточной Европы, а также союзных государств бывшего СССР, представленный в издании: Т. Buksiński, „Między jednością polityczną a wielością etniczną w Europie Środkowej i Wschodniej”, *Sprawy Wschodnie* 1–2 (11–12):2008, с. 135–156. В статье, базирующейся на историко-сравнительной аргументации, представлены три важные тезиса: (1) этническая и национальная ситуация в пост-коммунистических странах существенным образом отличается от той, которая наблюдается в западной Европе, (2) справедливость не может быть единственным критерием, регулирующей этнические и национальные отношения – важными оказываются также такие критерия как: мир, безопасность, всеобщая стабильность, демократия, (3) справедливость в этнических и национальных отношениях не ограничивается политикой либерального культурного разнообразия, необходимо учитывать много других факторов, таких как фактор справедливости, например: правды о вреде исторических ран; следует принимать во внимание несравнимые ценности и нормы разных общностей, их субъективные ощущения и т. д. В своей рефлексии Т. Буксинский говорит о необходимости обращения внимание на факт, что в противоположность государствам Западной Европы, которые сумели сформировать сильные и устойчивые государственные структуры к началу XX столетия, большие и средние этнические общности Центральной и Восточной Европы хотя и сформировали к настоящему времени государственные народы и создали государства, то, однако не сумели сформировать сильных и стабильных государственных структур. Многие из них существовали как культурные образования без собственного государства, но с осознанием своих возможностей создания государства. В XVIII веке они существовали в больших империях: оттоманской, российской и австро-венгерской. Падение СССР представляло фактически их третье рождение, или третью в свою очередь попытку формирования государственных структур. В общей сложности основная разница между западными и восточными странами в Европе заключается в ожесточении государства и его власти, установленного права с тоталитарным государством. Другое различие в отношении стран и народов восточной Европы касается дефицита национального тождества ввиду отсутствия процесса формирования их как политических народов. Также недавно полученная независимость в пост-коммунистических странах, их особая реакция на национальные и государственные проблемы на платформе памяти о временах тоталитаризма составляют очередные существенные различия между западными, а центрально-восточными странами в Европе. Наряду с различиями в типах народов, главенствующих в западной и восточной Европе, отмечаются различия в характере отношения к национальным и этническим меньшинствам. Поддержка меньшинств соседними странами часто представляет основное препятствие в установлении добрых отношений между меньшинством и большинством в Восточной и Центральной Европе (См. там же). Добавим, книга указывает на необходимость дифференцирования рефлексии – равного уча-

ждение в их общественные структуры¹¹. Очевидным примером – ещё не до конца исследованным в контексте современной глобализации – является историческое прошлое с его многочисленными миграциями населения.

Добавим, что все еще не разрешен вопрос о том, как повлияет на будущее, как Европейского Союза, так и отдельных её государств – особенно тех, которых касается этот факт – эмиграционная (перед 2004 годом и после него с разным иммиграционным статусом) – волна из стран Центральной и Восточной Европы – теперь государств, членов Европейского Союза с небольшим стажем и совместным опытом существования в ЕС – в страны Западной Европы. Вызовёт кризис? Какого рода? В какой мере эмиграция, дренирующая рынок человеческого капитала в одном государстве, а питающая во втором; более творческими, способными и активными единицами, с не полностью использованными возможностями и профессионально-интеллектуальными квалификациями (кроме единичных либо немногочисленных случаев), вызовет увеличение капитало-цивилизационной диспропорции между этими государственными организациями? Насколько укрепятся встречающиеся между ними различия в развитии? Насколько это будет способствовать углублению существующего дифференцирования на богатые и бедные государства, безбедные и живущие в бедности, модернизированные и отсталые, хронически недофинансированные? Это собственно лишь некоторые из группы довольно многочисленных вопросов, на которые придёт ещё давать научные ответы.

ствия в ней интеллектуалистов с Центральной и Восточной Европы в соотношении с интеллектуалистами из европейского и североатлантического Запада, анализы которых (например: В. Кымлицка, Х. Тейлор) оказываются либо слишком общими в отношении фактов и реалий общественно-политических перемен в Центральной и Восточной Европе, либо не указывают на те же факты, либо на них не основаны.

¹⁰ Отношение здесь измеряется уровнем и сферой частной собственности, следовательно, состоянием доступности к ценностям. Речь идёт о состоянии определенной зажиточности, которая допускает возможность пожертвования временем, силами и вниманием, имеющимися умениями, некоммерческой деятельностью, то есть, определенными интересами, общественной, публичной, политической, научной деятельности – науке и её развитию.

¹¹ Естественно, интересным было бы осуществить исследование и определить, насколько вышеуказанный процесс имел место в прошлом европейских государств? Насколько процесс цивилизационного (в упрощении) и общественного роста формировал европейскую современную ситуацию? Было ли в европейском прошлом современное „brain waste” („порча мозгов”), которая, как кажется, становится естественной для молодых людей, выходящих из Центральной и Восточной Европы, работающих значительно ниже своей квалификации и возможностей в странах Западной Европы, в странах „своей мечты”, либо стране „экономического выбора”?

Возвращаясь к основной мысли рассуждений, зададим риторический вопрос: разве единственным спасением на возрастание диспропорции и возникновение настоящей пропасти между богатыми и бедными государствами, а даже государствами, погрязшими в нищете, с задолженностью перед теми же богатыми¹², не является сегодняшний финансовый кризис, который для богатых государств дает возможности спасения их финансовой структуры посредством огромных финансовых ссуд из фондов МФВ¹³, других источников с целью стабилизации очередного годового бюджетного баланса? Будет ли развитие субъектов в континентальном или глобальном масштабе очередным этапом развития, заменяющего государство, а эти субъекты примут на себя некоторые функции отдельных государств, когда эти государства подвергнутся финансовой деструкции? А какую роль будут выполнять надгосударственные субъекты, которые сумели накопить финансовый капитал и узнаются независимыми от политики, вырабатываемой отдельными группами парламентско-правительственных политиков? Не вызовет ли их финансовая независимость процесса формирования в них системы доминирования в глобальном размере над группой государств или федераций, их институциональных учреждений, а в последствии преобладания политики этих групп, с участием неизвестных широкой общественности личностей, и идеологии, характерной для этой группы людей? Какое различие сформируется между международными концернами и другими субъектами, характеризующимися финансовым самоуправлением, которые без особой ответственности могут принимать решения о направлениях и профилях развития научных исследований либо распространения в обществе признаваемой в своей среде идеологии – и как раз идеологии, не связанной с какой-нибудь рациональной, моральной и т. д. установкой? Насколько узкой окажется граница между идеологией финансовых, промышленных концернов в глобальном масштабе, а теми надгосударственными субъектами, которые идентифицируются как международные террористические организации?

Вернёмтесь ещё к одному вопросу. Мы отметили, что глобализация конца XX столетия застала отдельные общества в их конкретных территориях и культурно-религиозных принадлежностях на их дифференцированном этапе исторического развития. Однако в таком понимании скрывается

¹² Добавим, что задолженность бедных пост-колониальных государств Африки неоднократно уже в прошлом достигало уровня их неплатёжеспособности, заставляя всякий раз так называемый богатый Север аннулировать долги. Это является все той же проблемой ответственности за колонизацию с ее отрицательной чертой эксплуатации ресурсов и естественных богатств. Однако разве этот вопрос достаточно осознается политическими элитами государств, принадлежащих – хоть бы – к Г8?

¹³ Или Международного Валютного Фонда.

довольно большое упрощение. Чтобы его преодолеть, следовало бы решить хотя бы некоторые вопросы, а, в особенности, нижеследующее. Речь идет о сходстве трансформационного развития, не стоило ли бы разграничить и принять тот факт, что религиозно-культурное дифференцирование определяет различные цели для членов этих обществ и вызывает появление радикального отличия в сфере технико-технологических инструментов и их создания внутри цивилизации Запада¹⁴?

Следовало бы также прояснить, в каком смысле глобализация унифицирует вопрос дифференцирования в распространении доступа к технико-технологическим средствам со стороны локальной общественности, а также умения функционировать в рамках так называемой рыночной экономики и рыночного хозяйствования. Разве это не так, что клеймя его, мы утрудняем его естественное развитие? Не дегенерирует ли существующий этап развития и не сводится ли всё к определенной карикатуре, в том числе и факт создания огромных общественных, политических и экономических различий, нежели в ситуации их подчинения ненарушенного извне процессам развития данных локально-территориальных обществ?

Иначе говоря, разве глобализация на этапе распространения по всей планете не требует абсолютного преобладания государственно-национальных общественных центров, которые находятся на высоком уровне технологического, экономического развития и заранее приготовлены к приходу цивилизационных перемен, а также их неустрашимого желания подчиняться тем центрам, которые находятся на неполном либо не полностью зрелом этапе развития? Разве пример государств центрально-восточной Европы не симптоматичен, если речь идёт о течение и следствия такого процесса? Разве в государствах сегодняшнего Европейского Союза не нужны были периоды и переходные этапы, чтобы формируемый экономическо-политический институциональный организм не был подвергнут внутренним диспропорциям? Разве сегодня не так, как это было раньше, что некоторое из них вынуждены защищаться перед угрозой остаться за чертой этого организма и застрять на этапе страны полупродуктов или «картофельной» страны по сравнению с активными институционально, общественно, экономически и хозяйственно развитыми странами, с созревшей и развитой инфраструктурой и всеобщим доступом к современным технологиям и технике для каждого члена данного национального общества?¹⁵

¹⁴ Мы имеем в виду современную Индию.

¹⁵ Ср.: D. DOBRZAŃSKI, J. JAKUBOWSKI, A. WAWRZYNOWICZ (ред.), *Kraje Europy Środkowo-wschodniej a globalizacja*, 7–13.

На основе вышесказанного, надлежало бы определить, отличаются ли иные, непохожие цивилизационно организмы, от организмов западного цивилизационного круга с похожим развитием институций государства и одинаковыми этапами его формирования, а, следовательно, переходом с этнической и национальной общности к образованию устойчивого государства, открытого на дальнейшее надгосударственное институциональное развитие? Или же развитие того, что в тех же не западных культурно-религиозных цивилизациях осталось определено и идентифицируется как „государство”, пролегал иначе, чем в цивилизационных кругах Запада?

Эти вопросы увеличивают значение исторических исследований над развитием институций государства как общественного и экономическо-хозяйственного организма в разных культурных и цивилизационных кругах и показывают на необходимость анализа современной глобализации, чтобы проектировать глобальное будущее с опорой на реалистически изученные тождества отдельных цивилизационных кругов. Не окажется ли это спасением перед лицом всё более и более возрастающих экономических напряжений и заострения борьбы богатых государств и надгосударственных субъектов за осуществлением мощного контроля уменьшающихся естественных природных ресурсов, а особенно энергетических?

Подведем итоги. На этом этапе нашей рефлексии мы показали, а хотя бы просигнализировали, необходимость представления различий в определении реального тождества как в определенных культурно-религиозных кругах, так и в отдельных государствах конкретного цивилизационного круга, находящихся на соответствующих этапах государственной организации в момент процесса глобализации, являющегося результатом технико-технологического развития Запада. Определение тех же реальных тождеств государств и национальных обществ необходимо для проектирования политического и экономическо-хозяйственной будущего на всей планете, под угрозой своеобразного всеобщего „перемалывания” проблемы. Вышесказанное могло бы вызвать неизбежные и непредсказуемые (отрицательные?) экономическо-хозяйственные, финансовые, политические и другие последствия, вместе с общественно-экологическими. Однако разве тогда появилась бы какая-нибудь возможность соглашения, разработки вопросов глобальной политики, или, что более вероятно, не увеличивалась бы непредсказуемая угроза, грозящая неотвратимым конфликтом в глобальном масштабе?

3. **Общественно-экологические последствия процессов глобализации в континентальных культурно-религиозных общностях**

Мы выдвинули функционирующий в общественном пространстве тезис о целесообразности научной гипотезы, гласящий о том, что глобализация требует реализации локальными группами государств – государств на дифференцированном этапе их организации¹⁶ – исторического скачка, и о том, в некотором смысле, он необходим так организованным обществам этих стран. Вышеуказанное кажется, однако проблематичным. Следовательно, существует ли фактически такое правило, гласящее, что, несмотря на глобализацию, по-прежнему сохраняется много закрытых обществ в состоянии определенного и своеобразного общественно-культурного и цивилизационного аутизма?

Определение о том, что глобализация требует исторического скачка от общества, которое находится под ее влиянием, кажется очевидным упрощением и довольно обобщенным восприятием. Несмотря на глобализацию, по-прежнему сохраняется много закрытых обществ в состоянии общественно-культурного исключения. Но как представляется, основной проблемой является материальное благосостояние. Но оно, однако, является непреодолимым рубежом как для отдельных государств, так и для отдельных членов данных государственных обществ. Ибо здесь происходит рост диспропорции. Одни страны становятся ещё богаче, другие же углубляет свою бедность.

Вычлененный нами в качестве примера сегодняшний глобальный финансовый кризис подчеркивает значение экономическо-хозяйственной, политической и общественной кондиции отдельных государств, а также их обществ перед лицом разыгрывающейся трансформации в глобальном масштабе. Поскольку последствия кризиса касаются развивающихся стран, стран, стоящих на пути к европейской интеграции, как это происходит в государствах, членах Европейского Союза, то что же говорить о странах, которые не имеют достаточно хорошо сформированной на уровне государства институциональной охраны перед трудностями. Последствием кризиса является задержка в экономическом развитии, которая влечет общественную деградацию, замедление изменений, государственных, институциональных, экономических и т. д. трансформаций. Поиски корпорациями и надгосударственными экономическими гигантами сбережений вызвало перенос центров и предприятий промышленного производства в районы с низкой оплатой труда в отменные цивилизационные и культур-

¹⁶ Ср.: Т. BUKSIŃSKI, *Między jednością polityczną a wielością etniczną w Europie Środkowej i Wschodniej*.

но-религиозное круги. Не вызовет ли такой аутсорсинг появления очередных видов либо этапов эксплуатации бедных государств богатыми государствами, корпорациями или субъектами в глобальном масштабе? Не вызовет ли отрицательных последствий и закрепления фактического экономического недоразвития неквалифицированных социальных групп, которым предлагается работа на перенесенном в другое место заводе?

Перейдем к окончательным предложениям и заключительному выводу. Не трудно представить себе крах экологической системы с таким характером процесса глобализации и технико-технологической, информационно-коммуникационной трансформации. Ибо известно, что основанное на экономике достижение геометрического роста экономические идеи корпорационных промышленных, финансовых гигантов о глобальном масштабе ради экономической парадигмы непрекращающегося роста в состоянии создать хищническую брешь в экологическом равновесии каждого вида естественных богатств. В общей сложности, чтобы удержаться на собственном уровне экономического роста, обеспечить своей экономии удержание на хотя бы существующем до сих пор уровне экономического роста и охранить свои финансовой структуры можно рискнуть выдвинуть очень вероятный тезис о том, что в страхе перед собственным банкротством, которое может привести впоследствии к коллапсу или банкротству меньших хозяйственных субъектов, промышленные гиганты не остановятся перед действиями, неблагоприятными для социальной и естественной среды.

Представляется, что мы стоим перед кризисом – одновременно общественным и экологическим, будучи своеобразным последствием промышленной экономики, так как какой-либо шаг в финансовой сфере, всякий раз касается сферы социальной действительности, а также ее естественного окружения, которое составляет природа и её целостная экосистема. Поскольку экосистема – в парадоксальной антитезе к общественной структуре человеческих сообществ – может оказаться окончательно разрушенной деятельностью человека, которая на сегодняшний момент уже достигает размеров, превышающих возможности саморегулирования со стороны сил природы и её защитной среды, постольку разрушение общественной структуры и того, что мы понимаем под общественной справедливостью, может закончиться единственно революциями и социальными переворотами – даже если бы, как жертвы вооружённых переворотов, были поглощены многочисленные человеческие существа, либо могут оказать воздействие на качество жизни и возможности существования человеческих масс, но, однако, не в состоянии уничтожить целые поколения. Во всяком случае, проблема общественной диспропорции останется

единственно отодвинутой на неопределённое будущее. Здесь мы касаемся определенного парадокса.

Не прошло ещё и четверти века от общественно-политических событий, которые признаются за цезуру окончательного преодоления странами Центральной и Восточной Европы, также их обществами главенства коммунистической идеологии и зависимости от кремлёвского партийно-политического (в упрощении) центра. Историки все еще не сумели охватить всех элементов этого сложного, многогранного и многопланового, процесса противостояния коммунизму отдельными странами и их обществами Центральной и Восточной Европы. Общества союзных республик бывшего СССР до сих пор не справились с последствиями распада Советского Союза.

А тем временем общественная идея автора Капитала, кажется, сохраняет свой интерес для многих интеллектуалистов цивилизационного Запада, которые, по беспрецедентном решении руководства Советского Союза о ликвидации коммунизма, осуществляют попытки сохранения не столько практических ленинско-сталинских рецептов внедрения идеи в общественную жизнь, сколько самой идеи, делая интеллектуальные усилия определенного разъединения главного идеолога коммунизма от автора интерпретации человеческой истории, как непрерывной борьбы общественных классов от его последовательных продолжателей и практических исполнителей испытания идеологии на живом общественном организме послереволюционной России 1917 года. В общей сложности, происходит неожиданная поляризация интеллектуальных взглядов перед лицом идеолога девятнадцатого века, автора Капитала, описание которого экономической отношении XIX столетия сохраняет актуальность в ситуации глобализации взаимных финансовых зависимостей начала XXI столетия. Вызовёт ли это очередной поиск соответствующей реализации идеи социального равенства? А может быть пришло время, чтобы ввести в общественную жизнь перспективы религиозной реализации Создания в своём Творце, как единственной возможности, позволяющей освободиться из-под диктата парадигмы экономического роста и совершить реальный поворот к человеку и его интегральной самореализации в действительности физического мира?

Несомненно, вышеуказанный постулат выхода из узкого концептуального мышления европейского Запада¹⁷ (в упрощении) и открытия на более

¹⁷ Ибо известно, что концепция новой науки была сведена к тому, что в соответствии с Аристотелем, составляло исполнительную причину. Сознательно забыты либо затеряны пространства того, что составляло сферу целевой причины, а также причины формальной и материальной.

широкие мысленные горизонты будет возможна не только в случае восстановления потерянных пространств рационализма в истории трансформации парадигмы интеллигентности. Этот процесс может стать вынужденным тогда, когда наступит расширение круга участников диспута в вопросах глобализации, или тогда, когда он не будет единственно и исключительно доменом идеологической и политической дискуссии европейского и североатлантического Запада, а особенно его узких кругов, располагающих неограниченным капиталом. Вышесказанное, обосновывает необходимость хотя бы интеллектуального диалога, поднятого в рамках этой конференции.

Закончим вышеуказанную рефлексю такой мыслью – будем надеется, что и как в течение последних двух столетий в западных странах завершилась формально-правовое и практическое субъективизирование гражданина, а понятия „демократия” и „права человека” перестали быть частью только философских дискуссий, но пронизали повседневную жизнь, определяя основные критерии общественных отношений, а религиозная основа общественной жизни позволит преодолеть неустранимый изъян и практическую беспомощность экономических теорий перед диспропорцией в сфере богатства и бедности, имеющей место в какой-либо форме общественной жизни.

Spoleczno-ekologiczne konsekwencje kulturowych i religijnych procesów globalizacyjnych z końca XX stulecia

Streszczenie

W kontekście aktualnych procesów globalizacyjnych współczesności początków XXI stulecia autor podnosi doniosłość wyartykułowywanej refleksji także ze strony społeczności postkomunistycznych i posttotalitarnych, integrującej się Unii Europejskiej i jej państw członkowskich. Doniosłość wynika z konieczności podjęcia refleksji, która nie byłaby naznaczona jednostronnością postrzegania oraz interpretowania współczesnych procesów integracyjnych, jaką zdaje się być przeniknięta myśl intelektualna Zachodu europejskiego i zaatlantyckiego. Bowiem refleksja czyniona przez intelektualistów Zachodu zdaje się nie wychwytywać ważności faktu, że świeckie zamienniki religijności, czyli totalitaryzm i zachodni konsumpcjonistyczny kapitalizm, stały się zaledwie karykaturą ludzkich aspiracji oraz ideałów, powodując z kolei wypaczenie się intelektualnych koncepcji, stanowiących podstawę kształtowania kolejnych etapów mondializacji.

Refleksja artykułu została rozwinięta w trzech etapach. W pierwszym autor podjął próbę scharakteryzowania potęgującej się aktualności zagadnienia globalizacyjnego. W drugim etapie refleksji skoncentrował się na podniesieniu konieczności rozróżnień w analizach stanu ludzkich społeczności na obecnym etapie procesu globalizacyjnego. Podniósł ważność rozpoznania zróżnicowania etapów rozwoju historycznego ludzkich społeczności, które zostały zastane przez globalizacyjną równoczesność, wynikłą z możliwości techniczno-technologicznych. Natomiast w etapie trzecim i ostatnim podjął próbę zarysowania możliwości przezwyciężenia bezradności ideologicznych wizji w sprawie rozwiązania kwestii społecznych w konsekwencjach społeczno-ekologicznych procesów mondializacyjnych w zróżnicowaniu kontynentalnych lokalności kulturowo-religijnych.

The socio-ecological consequences of cultural and religious globalization processes in the late 20th century

Summary

In the context of the current 21st century globalization processes, the author raises the significance of reflection articulated on the part of the post-communist and post-totalitarian communities, the integrating European Union and its member states. This importance stems from the necessity to consider contemporary integration processes from all angles, and not to concentrate only on the intellectual vision of both the European and American West, so apparently permeated with one-sidedness of interpretation. As it seems, the intellectuals of the West fail to notice the gravity of the fact that secular equivalents of religiousness, which are totalitarianism and western consumer capitalism, have become a mere caricature of human aspirations and ideals, thus distorting intellectual bases of consecutive stages of globalization.

The reflection of the article has been contained in three parts. In its first part the author characterises the rising topicality of globalization. Next, he raises the necessity to differentiate between various human communities in the analyses on the current stage of globalization processes. Thus, he recognizes the importance to identify different stages of human communities' historical development, which due to an enormous progress in technology had to face the reality of globalization. Last but not least, the author attempts to outline the possibilities to overcome ideological helplessness concerning the issue of socio-ecological problems resulting from the globalization processes in the continental diversity of cultural religious local communities.

